
МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

О.Н. Стрельник

Кафедра онтологии и теории познания
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье представлен краткий очерк идей, которые предшествовали формулированию проблемы ментальностей, проанализированы позиции этнопсихологии, французской исторической школы Анналов и лингвистической науки по проблеме ментальностей. Утверждается, что уместно и эвристически плодотворно рассматривать ментальность как «подсознание» культуры по аналогии с личным подсознанием.

Ключевые слова: ментальность, культура, цивилизация, языковое сознание, коллективные представления, коллективное подсознание, коллективное бессознательное, миф.

На рубеже XX—XXI вв. доминирующей моделью философско-исторического анализа становится культурно-цивилизационная. Она приходит на смену стадияльно-формационной. Ключевое место в новой модели занимают вопросы качественного своеобразия психики, сознания и мышления различных «цивилизационных кластеров» [13]. Такой поворот в свою очередь стимулировал исследования в области этно- и социальной психологии, прежде всего психологическое изучение коллективных субъектов.

Каким образом формируется реальная психологическая общность разрозненных индивидов, благодаря чему возникают и в чем состоят эффекты коллективной психики? Что обеспечивает стабильность коллективного субъекта? Как связаны внутригрупповые процессы с межгрупповыми взаимодействиями? Какие изменения происходят с индивидом, когда он становится членом той или иной группы? [4. С. 7—8]. Первый, второй и частично четвертый вопросы связаны с проблемой ментальности, а сама эта проблема становится одной из главных в социально-гуманитарных науках, изучающих коллективные субъекты разного типа.

Говоря о ментальности, обозначая и определяя ее, как правило, указывают на различие ментальностей людей разных эпох: ментальность эпохи средневековья, Нового времени и т.п. Говоря о национальном характере, проводят прежде всего этнические различия: русский национальный характер, национальный характер французов, т.е. подчеркивают единство психологического склада представителей разных этносов, народов или наций.

Понятия «ментальность» и «национальный характер», таким образом, указывают на разные плоскости анализа сходных феноменов духовной культуры. Речь может идти об одних и тех же явлениях, но рассматриваемых под разными углами зрения. Можно говорить о том, что в сознании одного человека сосуществуют разные ментальности: исторические, этнические, социальные.

В Германии начало исследований ментальности уходит во вторую половину XIX в. и связано с именами М. Лацаруса и Г. Штейнталя.

По мнению этих авторов, все индивиды одного народа имеют сходные чувства, склонности и желания, т.е. обладают одним и тем же народным духом, который проявляется в языке, нравах, обычаях, традициях и ритуалах.

Дальнейшие исследования и оформление психологии народов в качестве самостоятельной науки осуществлялись В. Вундтом. Он считал, что совместная жизнь индивидов и их взаимодействие порождают новые явления, которые не сводятся к явлениям индивидуального сознания, составляют душу народа и должны изучаться самостоятельно. Содержанием души народа В. Вундт называет общие чувства, представления и стремления, которые выражаются в языке, мифах и обычаях [6].

Появление этнопсихологии в России в XIX в. связывают с деятельностью Русского географического общества. Первоначальные социально-психологические исследования проводили Н. Надеждин, К. Кавелин, П. Лавров, Н. Михайловский, Г. Плеханов, А. Потемня и Г. Шпет. Н. Надеждин, будучи участником Русского географического общества, предложил термин «психическая этнография». По его мнению, психическая этнография должна изучать такие проявления «народной психологии», как умственные и нравственные способности, силу воли, чувство человеческого достоинства и т.п. Позднее К. Кавелин предложил идею объективного метода, утверждая, что задачей психологии народов должно быть установление законов психической жизни на основе сравнения однородных явлений, проявляющихся в различные исторические эпохи у того или иного народа.

Оригинальную психологическую концепцию языка разработал А. Потемня. Он утверждал, что язык является главным фактором, объединяющим индивидов в «народность», обуславливая приемы умственной деятельности того или иного народа. Особенности народа находят отражение в языке, а утрата национального языка ведет к денационализации [14].

Особый интерес представляют работы Г. Шпета, который определил этнопсихологию как раздел психологии, изучающий язык, мифы, верования и нравы народов. В работе «Введение в этническую психологию» Г. Шпет на основе анализа концепций М. Лацаруса, Г. Штейнталя и В. Вундта развивает понимание предмета этнической психологии. «Как бы индивидуально ни были люди различны, — пишет Г. Шпет, — есть типически общее в их переживаниях, как „откликах“ на происходящее перед их глазами, умами и сердцем» [16. С. 341].

Этнопсихология должна изучать подобные типические коллективные переживания, в которых, по мысли исследователя, нет ничего психологического. Коллективные переживания в понимании Г. Шпета не относятся только к эмоциональной сфере или только к когнитивной. Понятие типических коллективных переживаний близко к понятию ментальности, понимаемой как эмоционально окрашенное миропонимание той или иной общности людей [15. С. 57]. В отличие от А. Потемни Г. Шпет считает, что изучать надо не только миф, язык, верования, нравы и т.п., а сопровождающие их переживания людей, именно в этих переживаниях и проявляется психология народа.

Во Франции первоначальные исследования в области социальной и этнопсихологии связаны с именами Л. Леви-Брюля, Э. Дюркгейма, Г. Лебона и Г. Гарда [10; 11]. Именно на эти идеи в XX в. опираются представители школы Анналов, когда вводят в историческую науку понятие «ментальность».

Впервые термин *mentalité* использовал Л. Леви-Брюль. В работах «Первобытное мышление» и «Ментальные функции в примитивных обществах» он подчеркивает пралогичность и эмоциональную окрашенность сознания первобытных людей.

Речь шла, прежде всего, о коллективных представлениях, которые доминировали в примитивных обществах и резко контрастировали с образом мышления современного человека (1). «...Генезис понятия *mentalité* во французской науке проходил под знаком примитивности, недоразвитости, пралогичности и социально-психологической маргинальности, в контрастном противопоставлении развитию, логическому, рациональному, „культурному“ сознанию. Представителям школы Анналов Л. Февру и М. Блоку, применившим понятие „ментальность“ к европейцам Средневековья и XVI столетия, было нужно „перекодировать“ его, придав новый смысл, который соответствовал бы иному культурному, социальному и психологическому контексту» [7. С. 61—62].

Исследования стереотипов обыденного мышления и поведения в рамках школы Анналов (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель, Ф. Арьес, Ж. Дюби, Ж. Делюмо, Ж. Ле Гофф, П. Шоню, Р. Шартье) представляются наиболее интересным в силу своей комплексности и полноты. По мнению представителей французской исторической науки, каждая культура представляет собой ансамбль, компоненты которого при всех возможных противоречиях соотношены друг с другом. Предметом истории французские ученые считают сознание людей, причем не только ясное рациональное сознание, выражающееся в философии, науке и т.п., но и чувственно-эмоциональные компоненты сознания, взаимоотношения, взаимовлияния когнитивного и ценностно-эмоционального, возникающие в обыденном сознании. Анализу должен подвергаться весь духовный универсум эпохи, считают представители школы Анналов, в том числе и ментальность.

Слово *mentalité* — ключевое понятие, вводимое Л. Февром и М. Блоком, считается точным образом непереводаемым на другие языки, хотя в английском есть слово *mentality*, а в немецком — *mentalität*. Термин *mentalité* обозначает одновременно и уонастроение, и мыслительные установки, и коллективные представления, и воображение, и склад ума. В русском языке ему соответствуют понятия «мировидение» и «мироощущение».

Ментальность, по мнению французских историков, это «система образов... которые... лежат в основе человеческих представлений о мире и о своем месте в этом мире и, следовательно, определяют поступки и поведение людей» [8. С. 52]. Ментальность проявляется в специфических проблемах коллективной и индивидуальной психологии, свойственных той или иной эпохе, в эмоциях, в средствах фиксации и распространения знаний, в повседневной религиозности, в массовых социально-психологических явлениях, в фольклоре и искусстве, т.е. во всех проявлениях общественного человека.

Ментальности, как считают представители французской новой исторической науки, должны изучаться через прояснение систем стабильных представлений. Исследователи выделяют следующие группы таких представлений: хозяйство; природное и социальное окружение; семейная и сексуальная жизнь, любовь; отношение к женщинам; отношение к детям; старость; болезнь; религиозные верования; идеи о душе, смерти, спасении; страх, смех; время; пространство; история; телесность. Этот перечень открыт, постоянно пополняется новыми проблемами и не исчерпывает всего содержания ментальности. А. Бюргер, например, упорядочивает этот комплекс через определение различных предметных зон исследования:

— материальная и биологическая антропология, изучающая тело, установки в отношении к жизни и смерти, сексуальность, питание;

— экономическая антропология, охватывающая экономическое поведение, обмен, соотношение культурных и психологических установок с техникой;

— социальная антропология: изучение семьи, систем родства, исторической демографии, отношений между семьей и государством, специфики социальных связей;

— культурная и политическая антропология, исследующая нечетко сформулированные верования и ритуалы, которыми насыщена повседневная жизнь, системы представлений о мире, времени, религиозный фольклор, мифы, символику жестов, соотношение народной культуры с официальной [4].

Л. Февр, подчеркивая качественные различия между цивилизациями, пишет, что ментальность, пронизывающая все аспекты общественных отношений, определяет историческую индивидуальность того или иного общества. Для того чтобы понять сущность цивилизации и поведение людей, необходимо реконструировать присущий этим людям способ восприятия действительности, их «мыслительный» и «чувственный инструментарий».

Индивидуальное видение мира, согласно Л. Февру, есть лишь один из вариантов коллективного мировидения. В этой связи исследователь вводит понятие «духовного оснащения» [7. С. 50—51]. Иначе термин «*ouillage mental*» переводится как «психическая оснастка», «умственная вооруженность». Это понятие должно было, по мысли Л. Февра, конкретизировать понятие «ментальность».

Представители школы Анналов противопоставляли историю ментальностей традиционной истории идеологий и экономической истории. По их замыслу, история призвана вскрыть потаенный план общественного сознания, ментальность — это именно массовое, повседневное, обыденное сознание. Как пишет М. Блок, «читая иные книги по истории, можно подумать, будто человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если б всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов» [2. С. 104]. Историкам следует изучать не философские, религиозные или политические доктрины, а ту почву, на которой они вырастают: неявные установки мысли, ценностные ориентации, автоматизмы сознания. Люди ведут себя не только в соответствии с объективными стимулами, их сознание содержит модель осмысливаемой ре-

альности, несводимую к отражению внешней данности. Мифы и верования, обычаи и символика, надежды и страхи так же определяют поступки, как и объективные жизненные обстоятельства. Только преломившись в ментальности, они начинают определять индивидуальное и социальное поведение людей и групп. Таким образом, ментальность — не просто один из факторов исторического процесса, наряду с экономикой, политикой и т.п. Именно в ментальности фокусируются все остальные движущие силы истории, поскольку для того, чтобы стать действенными, они неизбежно должны пройти через сознание людей.

Рациональные идеи — лишь видимая часть айсберга духовной жизни, часть достаточно динамичная, тогда как ментальность, массовое, обыденное сознание более консервативно, изменяется с большим трудом. Именно этот факт позволил одному из представителей школы Анналов Ф. Броделю написать: ментальности — это темницы, в которые заключено время большой длительности, а другому — Ж. Ле Гоффу — выдвинуть идею «долгого Средневековья», продолжавшегося в Европе вплоть до XIX в. [3; 12].

Особый вопрос — почему и как изменяются ментальности? Представители школы Анналов утверждают, представление о том, что ментальности изменяются «сверху вниз», т.е. рациональные идеи постепенно внедряются в толщу представлений и образов обыденного сознания, недостаточно. Некоторые ментальные тенденции зарождаются как раз в недрах обыденного сознания. Представители школы Анналов демонстрируют это на примере изменения отношения средневековых людей к смерти, времени и т.д. [1—3; 8; 12]. По мнению анналистов, правильнее было бы говорить не об одностороннем движении ментальных установок только «сверху вниз», но и о взаимодействии различных тенденций, присущих разным strata общества.

Особое внимание и Л. Февр, и М. Блок уделяли вопросу взаимодействия естественно-географической среды и человека. «В «иерархии сил», действующих в истории, они различают три основные группы, обладающие собственными ритмами: «постоянства», «структуры» и «конъюнктуры». «Постоянства» (permanences) — это, прежде всего, природно-географические условия, в которых существует и развивается общество. «Структуры» — долговременные факторы истории, экономика, социальные институты и процессы, духовный строй общества, т.е. религия, философские системы, наука, искусство. «Конъюнктуры», напротив, изменчивы, таковы кривые движения народонаселения, объема производства, цен, заработной платы. Ментальности в этом смысле являются частью «структур» [7. С. 205].

Постигать ментальности возможно через изучение языка, анализ символических и знаковых систем. В смене терминологии, в появлении новых смыслов привычных слов и выражений отражаются изменения общественных институтов и ценностных систем. Причем следует специально изучать случайные слова и выражения, которые свидетельствуют о мировидении людей больше, чем продуманные рационально сконструированные тексты. В этом вопросе проблематика школы Анналов смыкается с исследованиями ментальности в лингвистике.

Ментальность в первую очередь транслируется через язык. Внешние условия существования этноса: географические и физиолого-антропологические особенности, культурные и бытовые традиции формируют особые представления, которые определяют основу национальной ментальности. Фундаментальные и жизненно важные образы выражаются в языке и передаются следующим поколениям в вербализированном виде. Внешние материальные условия существования этноса могут со временем измениться, однако особенности мировосприятия, зафиксированные в языке, воспроизводятся вновь и вновь. Иными словами, язык предлагает его носителям готовые формы оценки и восприятия.

Любой аспект языка — семантический, лексический, синтаксический, морфологический может стать источником информации о национальной ментальности. Так, А. Вежбицкая предлагает модель синтаксической типологии языков. По ее мнению, существует два основных типа предложений о людях — номинативный тип, опирающийся на агентивную модель, и дативный, в соответствии с которым люди представлены как лица, не контролирующие события. Активная модель: я думаю, я хочу, я боюсь. Пассивная модель: мне думается, мне хочется, мне страшно. Русский язык согласно этой типологии тяготеет к пассивным безличным конструкциям. Активные конструкции в нем тоже имеются, но в повседневном общении употребляются реже [5]. Таким образом, в языке фиксируются два разных подхода к жизни, один из них выразить фразой «я делаю», другой — «со мной происходит». Таким образом, в языке выражаются, фиксируются и передаются другим поколениям мировоззренческие ориентации, т.е. ментальность.

Российский исследователь О. Корнилов предлагает использовать понятие «языковая картина мира». Языковая картина мира — это результат отражения мира обыденным коллективным сознанием, вербализированная система матриц, в которых запечатлен национальный способ видения мира. Эти матрицы позволяют понять ценностные приоритеты, систему образности и ассоциативного мышления. Универсального отражения действительности на уровне обыденного массового сознания не существует, однако существует специфическая логика образного осмысления действительности, в которой находят отражение культурные, психологические и проч. черты народа, т.е. ментальность [9. С. 106, 113].

Любой аспект языка может свидетельствовать об особенностях мировосприятия, однако О. Корнилов считает, что под языковой картиной мира следует понимать прежде всего лексическую систему языка, именно ее можно использовать как источник знаний о ментальности [9. С. 79—80]. Для проникновения в чужую ментальность необходимо знание о национально-специфических прототипах, скрытых за универсальными концептами. Национальный образ мира — это и есть совокупность прототипов, существующих в обыденном коллективном сознании, а национальная языковая картина мира — это совокупность лексических эквивалентов этих прототипов. Прототип определяется как собирательный образ объекта — идеального представителя той категории, которая называется тем или иным словом. Как отмечает О. Корнилов, концептуальные универсалии могут иметь под собой совершенно разные прототипы [9. С. 81, 160].

Для того чтобы установить соотношение между внеязыковым прототипом и его языковым эквивалентом, необходимо изучение широкого пласта экстралингвистической реальности. Так, национальная символика тесно связана с коннотативной зоной языка, которая содержит информацию об устойчивых в данной национальной традиции ассоциациях. Эта информация уникальна для каждого языка. Например, в немецком языке ассоциацией трудолюбия является крыса. В русском языке такие же смыслы связываются с пчелой или муравьем. Если человека с российской ментальностью назвать крысой, это будет звучать обидно, а для немца может оказаться непонятным сравнение с пчелой.

Именно коннотативная зона языка сложна для усвоения представителям других культур, поскольку «точка зрения» родного языка кажется естественной и универсальной.

Наиболее показательным примером возникающего в таких случаях непонимания является, например, «непереводимость» некоторых рекламных образов. Рекламные сюжеты, легко «считываемые» представителями одних культур, непонятны и даже вызывают раздражение у представителей других. То же самое, но в меньшей степени относится к кинематографу и художественной литературе. Приближение к пониманию чужой ментальности во многом означает освоение именно коннотативной зоны чужого языка.

Можно утверждать, что ядро структуры языка составляет единая логико-понятийная база, эта совокупность является базовым компонентом мышления, который делает возможным принципиальное понимание между людьми. Однако она лишь основа языка. Область внелогического отражения мира, которая также находит выражение в языке, не предполагает какого-либо единства. Неповторимость мироощущения и мироощущения определена, прежде всего, внелогическими способами восприятия действительности. Именно такой способ отображения характерен для обыденного сознания, именно он и фиксируется в ментальности. Вместе с чужим языком сознание (коллективное или индивидуальное) воспринимает чужие вербальные стереотипы, т.е. периферию логического осмысления мира и всю область внелогического отражения. Наиболее отчетливо специфика проявляется не столько в фонетике, лексике или синтаксисе, сколько на уровне целостных речевых произведений, выявляясь в их стилистике и особенностях образности.

Проблема ментальности, таким образом, комплексная и междисциплинарная. Идеи «мигрируют» от одних научных дисциплин к другим, из философии в науку и обратно. Это связано как с неопределенностью самого понятия «ментальность», так и с многомерностью явления, которое этим понятием обозначается. Однозначного определения понятия «ментальность» пока нет. Под ментальностью понимают общие представления, воображение, видение мира, глубинные и архаические слои психики, неосознанное, повседневную сторону сознания, стереотипы поведения, систему ценностей и т.п. В общем смысле ментальность можно описать как систему представлений, которая формируются в определенную историческую эпоху или в рамках какой-то культуры, закрепляется в сознании людей в процессе общения и определяет стереотипы поведения и психологических реакций. Сложность в определениях связана с тем, что ментальность представляет собой про-

межуточное образование между коллективным сознанием и коллективным бессознательным, на границах сливаясь с ними. Термин «ментальность» потеснил термины «коллективные представления», «национальный характер», «базовая и модальная личности», которые ранее использовались в социологической, этнопсихологической и антропологической литературе.

Для пояснения, что такое ментальность, уместно, на наш взгляд, провести аналогию между индивидуальной субъективностью и духовной культурой. В современной психологии в структуре субъективности принято выделять сознание, подсознание и бессознательное. По аналогии можно предложить следующую иерархию для духовной культуры: общественное сознание, коллективное подсознание или ментальность и коллективное бессознательное.

Подсознание в индивидуальной психологии определяется как совокупность автоматизмов, которые могут частично осознаваться и переходить на уровень сознания, и, напротив, сформировавшись на сознательном уровне, переходить в сферу подсознательного. А ментальность представляет собой совокупность стереотипов мышления и поведения, не до конца осознаваемых знаний о мире и человеке, выражаемых в символической форме и закрепляемых в общении. На наш взгляд, эвристически плодотворно рассматривать ментальность именно как «подсознание» культуры.

Содержание ментальности — это неосознаваемые установки, стандарты оценок, поведенческие клише, предрассудки, верования, представления. Ментальность как совокупность не до конца осознаваемых знаний и стереотипов служит онтологическим и функциональным объяснением особенностей поведения людей, принадлежащих к разным культурам или эпохам. В ментальности фундируются идентичность и общность, которые затем проявляются в способности людей одного этноса или эпохи наделять одинаковыми значениями сходные явления объективного и субъективного мира, интерпретировать их тождественным образом и выражать в одних и тех же символах.

Ментальность имеет различные модусы. По-видимому, можно говорить о ментальности любой более или менее большой группы людей, независимо от того, по каким основаниям выделяется эта группа: этническим, социальным или историческим. Общество неоднородно. Человек одновременно принадлежит к нескольким социальным группам. Однако законы функционирования коллективной психики одинаковы, независимо от того, на какой основе сформирован массовый субъект. Эффекты коллективного сознания всякий раз имеют место при наличии той или иной социальной группы. В силу этого и социальная психология, и история, и этнопсихология обнаруживают свой предмет в сфере изучения ментальности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) О ментальности как феномене психической жизни, характеризующемся «пралогичностью», примерно в те же годы писал известный французский психолог Шарль Блондель. В литературе термин *mentalité* появился в романах Марселя Пруста. *Mentalité*, по словам одного из персонажей романа «У Германтов», означает в точности то же самое, что и «образ мыслей», но никто не знает, что этим хотят сказать.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Арьерс Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
- [2] Блок М. Апология истории. М., 1973.
- [3] Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1: Пространство и история. М., 1994.
- [4] Бюргер А. От серийной к комплексной истории: генезис исторической антропологии // *Homo Historicus: К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного*. В 2 кн. М., 2003.
- [5] Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- [6] Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб., 2001.
- [7] Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа Анналов. М., 1993.
- [8] Дюби Ж. Развитие исторических исследований во Франции после 1950 г. М., 1991.
- [9] Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 1999.
- [10] Лебон Г. Психология толп. М., 1998.
- [11] Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1986.
- [12] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург, 2005.
- [13] Основания цивилизации. Философский анализ / Отв. ред. В.М. Найдыш. М., 2001.
- [14] Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М., 2000.
- [15] Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2000.
- [16] Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Психология социального бытия. М., 1996.

THE MENTALITY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY AND SCIENCE

O.N. Strelnik

Department of Ontology and Epistemology
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 10/2, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the philosophical and scientific understanding of the problem of mentalities. It presents a brief outline of the ideas and research that preceded the explicit formulation of a problem of mentalities, analyzed some of the ideas of the French historical school of annals, and linguistic science regarding the issue of mentalities. The article argues that appropriate and heuristically fruitful to consider the mentality as "the subconscious" of culture by analogy with the personal subconscious.

Key words: mentality, language, culture, civilization, language consciousness, collective representations, collective unconscious, collective unconscious, myth.

REFERENCES

- [1] Ar'ers F. Chelovek pered licom smerti. M., 1992.
- [2] Blok M. Apologija istorii. M., 1973.
- [3] Brodel' F. Chto takoe Francija? Кн. 1. Prostranstvo i istorija. M., 1994.
- [4] Bjurg'er A. Ot serijnoj k kompleksnoj istorii: genezis istoricheskoy antropologii. *Homo Historicus: К 80-letiju so dnja rozhdenija Ju.L. Bessmertnogo*. V 2 kn. M., 2003.

- [5] Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1997.
- [6] Vundt V. Problemy psihologii narodov. Sankt-Peterburg, 2001.
- [7] Gurevich A.Ja. Istoricheskij sintez i Shkola Annalov. M., 1993.
- [8] Djubi Zh. Razvitie istoricheskikh issledovanij vo Francii posle 1950 g. M., 1991.
- [9] Kornilov O.A. Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. M., 1999.
- [10] Lebon G. Psihologija tolp. M., 1998.
- [11] Lebon G. Psihologija narodov i mass. SPb., 1986.
- [12] Le Goff Zh. Civilizacija srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg, 2005.
- [13] Osnovaniya civilizacii. Filosofskij analiz. Ed. V.M. Najdysh. M., 2001.
- [14] Potebnja A.A. Simvol i mif v narodnoj kul'ture. M., 2000.
- [15] Stefanenko T.G. Jetnopsihologija. M., 2000.
- [16] Shpet G.G. Vvedenie v jetnicheskiju psihologiju. Psihologija social'nogo bytija. M., 1996.